

**РАССЛЕДОВАНИЯ ГИДЕОНА ФЕЛЛА
В СЕРИИ
«ЗВЕЗДЫ КЛАССИЧЕСКОГО
ДЕТЕКТИВА»**

Ведьино Логово
Тайна Безумного Шляпника
Восемь мечей
Слепой цирюльник
Часы смерти
Три гроба
Дело «Тысячи и одной ночи»
Не будите мертвеца
Изогнутая петля

Джон Диксон
Карр

ИЗОГНУТАЯ
ПЕТЛЯ

АЗБУКА
Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 26

John Dickson Carr
THE CROOKED HINGE
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1938
Published by arrangement with David Higham Associates Limited
and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского Анны Лисицыной
Серийное оформление и оформление обложки
Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-31337-8

© А. С. Лисицына, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Первое правило, которое учащийся должен запечатлеть в уме, состоит в следующем. Никогда заранее не предупреждайте зрителей о том, что вы намерены делать. Если вы их предупредите, то тем самым дадите их вниманию то направление, которого вам необходимо избегать, а следовательно, увеличите вдесятеро шансы разоблачения секрета. Поясним сказанное примером.

Профессор Гофман. Современная магия

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Брайан Пейдж сидел за столом среди вороха раскрытых книг и смотрел в сад. Работать не было ни малейшего желания. Послеполуденное июльское солнце золотило дощатый пол, и от дремотного зноя, наполнявшего комнату, в воздухе стоял густой запах старого дерева и старых книг. С соседнего участка, где росли яблони, залетела оса. Пейдж, лениво отмахнувшись, выпроводил ее за окно.

По ту сторону садовой ограды вилась деревенская дорога. С четверть мили она петляла среди яблоневых зарослей, затем, миновав гостиницу «Бык и мясник», выходила к воротам усадьбы Фарнли-Клоуз — частокол дымовых труб был виден Пейджу сквозь просветы между деревьями, — а потом убегала вверх, в сторону леса со звучным названием Хэнгин-Чарт.

Плоский зеленовато-бурый кентский пейзаж, обычно такой блеклый, пылал яркими красками. Кирпичные трубы Фарнли-Клоуз и те как будто приобрели подобие цвета. По дороге от усадебного дома сейчас катила машина мистера Натаниэля Барроуза — приближалась она медленно, но шум уже был различим.

В деревне Маллингфорд, вяло подумал Пейдж, в последнее время что-то слишком оживленно. Подобное утверждение могло показаться странным, но факты были налицо. Взять хотя бы прошлое лето, когда убили мисс Дейли, довольно еще молодую пышнотелую особу: ее задушил какой-то бродяга, вслед за тем погибший на железнодорожных путях при попытке скрыться от полиции. Или вот совсем недавно. За одну эту июльскую неделю в «Быке и мяснике» появилось сразу два постояльца: сперва некий художник, а буквально на следующий день — еще один незнакомец, вроде бы частный детектив (непонятно, впрочем, откуда взялись эти слухи).

Наконец, сегодня с самого утра по деревне с таинственным видом носился туда и сюда друг Пейджа Натаниэль Барроуз, адвокат из Мейдстоуна. В Фарнли-Клоуз ощущалось какое-то тревожное возбуждение, хотя никто не мог взять в толк, в чем дело. Перед обедом Пейдж, по обыкновению, сделал перерыв в работе и заглянул на пинту пива в «Быка и мясника», но никаких сплетен не услышал — что настораживало еще больше.

Пейдж зевнул и отложил книги. Интересно все-таки: какое такое чрезвычайное событие могло нарушить покой старинной усадьбы — ведь с тех самых пор, когда при Якове I Иниго Джонс построил ее для первого баронета, там вообще редко что-либо происходило. Потомки Фарнли были многочисленны и живучи: род не прервался даже после стольких поколений. Теперешний носитель титула, баронет Маллингфорда и Соуна, сэр Джон Фарн-

ли, унаследовал солидное состояние и обширные земельные владения.

Пейдж с симпатией относился к Джону Фарнли, угрюмому и довольно нервному господину, и его прямолинейной жене Молли. Баронет не так давно обосновался в этих краях, но показал себя идеальным сквайром: несмотря на длительный отъезд, он сразу освоился в родовом гнезде и отлично вписался в здешнюю жизнь — словом, превратился в почтенного, чуть ли не заурядного помещика. Надо сказать, этот образ не слишком вязался с тем, что Пейдж слышал о прежних приключениях Фарнли. Вся его история, начиная с бурной юности и заканчивая женитьбой на Молли Бишоп чуть больше года назад, лишней раз доказывала (подумалось Пейджу), что жизнь в деревне Маллингфорд не так уж бедна событиями.

Пейдж усмехнулся и снова зевнул, потом взял ручку.

Боже, опять за работу...

Взгляд его упал на брошюру, которую он намеревался использовать в своем сочинении «Жизнеописания верховных судей Англии». Дело продвигалось в целом неплохо. По замыслу Пейджа книга должна была получиться научной и вместе с тем доступной для широкой публики. В настоящий момент его занимала личность сэра Мэтью Гейла. На пути изысканий то и дело встречались побочные сюжеты, норотившие увести его в сторону — и благополучно уводившие: Пейдж и не думал сопротивляться.

По правде говоря, он не слишком-то рассчитывал когда-нибудь завершить «Верховных судей»;

университетский курс правоведения он тоже в свое время не окончил. Для серьезной науки Пейджу не хватало усидчивости, однако живой ум, слишком беспокойный и пытливый, не позволял ему бросить эти занятия. Да не так это было и важно — допишет ли он в конечном счете сей труд. Главное, что под предлогом досконального изучения темы он мог с чистой совестью от нее отклоняться, вволю блуждая по боковым тропинкам и развилкам.

Титульная страница брошюры гласила: «Суд над ведьмами, бывший десятого дня марта месяца 1664 г. в городе Бери-Сент-Эдмундс, графство Суффолк, под председательством главного судьи Суда казначейства Его Величества сэра Мэтью Гейла, рыцаря. Печатано для книгопродавцев Д. Брауна, Д. Уолто и М. Уоттона, 1718 г.».

Эту тропинку он уже изучил. Разумеется, ведовской процесс был лишь незначительным эпизодом в биографии Мэтью Гейла. Но ничто не могло помешать Пейджу написать лишние полглавы на тему, которая казалась ему интересной. Он блаженно потянулся и взял с полки старенькое издание гленвилловского трактата о колдовстве, но едва успел погрузиться в это увлекательное чтение, как в саду раздались шаги и кто-то его окликнул.

Это был Натаниэль Барроуз. Адвокат размахивал портфелем с возбуждением, которое не вполне приличествовало его профессии.

— Надеюсь, я не помешал? — спросил он.

— Самую малость, — ответил Пейдж и, зевнув, отложил книгу. — Заходи. Угощу тебя сигаретой.

Барроуз открыл стеклянную дверь из сада и шагнул в уютный полумрак комнаты. При всем

своим самообладанием он, несмотря на жару, был бледен и зябко поеживался, что выдавало сильное волнение. Так же как его отец, дед и прадед, Барроуз вел юридические дела семейства Фарнли. Человек импульсивный и не всегда сдержанный на язык, он мог показаться не слишком подходящим для этой роли. К тому же он был молод. Но обычно ему удавалось сохранять присутствие духа и, по наблюдениям Пейджа, почти в любых обстоятельствах выглядеть невозмутимо, как палтус на сковороде.

Волосы Барроуза, темные и довольно жидкие, были расчесаны на пробор и аккуратно приглажены. На длинном носу красовались большие очки в черепаховой оправе; когда он, как сейчас, смотрел поверх стекол, его лицо казалось особенно напряженным и собранным. Одет он был с особой тщательностью и полным пренебрежением к собственному комфорту. Худосочную фигуру облегал строгий черный костюм; на руках — перчатки.

— Слушай, Брайан, — начал он, — ты сегодня ужинаешь дома?

— Да, собирался...

— Не стоит, — оборвал его Барроуз.

Пейдж с недоумением посмотрел на приятеля.

— Ты ужинаешь у Фарнли, — объявил тот. — Видишь ли, речь, собственно, не об ужине. Просто мне хотелось бы, чтоб ты присутствовал при одном событии... Я уполномочен, — продолжал он, переходя на более официальный тон и сразу как-то приосанившись, — сообщить тебе... то, что я намерен тебе сообщить. Очень удачно, что ты дома.

Скажи, тебе никогда не приходило в голову, что сэр Джон Фарнли не тот, за кого себя выдает?

— Не понял...

— Что сэр Джон Фарнли, — терпеливо пояснил Барроуз, — обманщик и притворщик, а никакой не сэр Джон Фарнли?

— Тебя что, солнечный удар хватил? — переспросил Пейдж, едва не вскочив от удивления.

Он был встревожен и раздосадован. Непростительная жестокость — набрасываться на человека с такими разговорами в самый разгар ленивого жаркого дня!

— Разумеется, ничего подобного мне в голову не приходило, — раздраженно отозвался он. — С чего вдруг? К чему ты, черт возьми, клонишь?

Барроуз встал со стула и водрузил на него свой портфель.

— Дело в том, — ответил он, — что объявился человек, который утверждает, будто он и есть настоящий Джон Фарнли. История эта не сегодня началась. Она тянется уже несколько месяцев, и вот теперь все должно наконец решиться. Гм... — Он в нерешительности огляделся по сторонам. — В доме, кроме тебя, кто-то есть? Миссис... как ее там... ну, знаешь, женщина, которая у тебя убирает, или кто-нибудь еще?

— Никого.

Барроуз заговорил все же с некоторой опаской, почти не разжимая губ:

— Наверное, мне не стоит тебе все это рассказывать... Но я знаю, что могу тебе доверять, и потом (между нами), я в непростом положении. Скоро разразится гроза, и тогда даже пресловутый

процесс Тичборна — знаешь, то на шумевшее дело с самозванным баронетом — покажется милым пустячком. То есть, конечно, пока еще... формально... у меня нет оснований считать, что человек, чьи дела я веду, вовсе не Джон Фарнли. Мой профессиональный долг — служить моему клиенту, сэру Джону. Настоящему сэру Джону! Но в этом-то и загвоздка. Есть два человека. Один — законный баронет, другой — мошенник, который себя за него выдает. Причем один нисколько не похож на другого даже внешне. И все-таки будь я проклят, если понимаю, кто из них кто. — Помолчав, он добавил: — К счастью, есть шанс, что сегодня вечером все прояснится.

Пейдж почувствовал, что нужно собраться с мыслями. Он протянул гостю портсигар, закурил сам и внимательно посмотрел на Барроуза.

— Час от часу не легче, — вздохнул он. — А с чего вообще началась вся эта история? Откуда взялись подозрения насчет самозванца? Этот вопрос возникал когда-нибудь раньше?

— Никогда. Сам скоро поймешь, как так вышло.

Барроуз вынул носовой платок, тщательно вытер лицо и заговорил более спокойно:

— Хотелось бы, конечно, верить, что это ложная тревога. Мне дороги Джон и Молли — то есть, прошу прощения, сэр Джон и леди Фарнли. Я их очень люблю. И если выяснится, что этот новоявленный претендент — шарлатан, то я... спляшу джигу на главной деревенской площади... ну, может, и не совсем так... но, помани мое слово, костьми лягу, чтобы этот проходимец получил за лже-

свидетельство хороший срок — посерьезней, чем тот тип в деле Тичборна, Артур Ортон. Ну а пока... раз уж ты вечером там будешь, не помешает объяснить тебе всю подноготную, чтобы ты понимал, как заварилась эта каша. Ты знаешь историю сэра Джона?

— Смутно. В общих чертах.

— Ну, милый мой, это никуда не годится, — с укоризной заметил Барроуз и покачал головой. — Может, ты и книгу свою тоже так пишешь, «в общих чертах»? Надеюсь, что нет. Слушай меня внимательно и хорошенько запоминай, как было дело. Перенесемся на двадцать пять лет назад, когда нашему сэру Джону было пятнадцать. Родился он в восемьсот девяносто восьмом году и был вторым сыном старого сэра Дадли и леди Фарнли. О том, что Джон может стать наследником, на тот момент речи не шло: титул и все прочее должно было достаться его старшему брату Дадли, в котором родители души не чаяли. Они хотели, чтобы сыновья выросли благородными людьми. Сэр Дадли, которого я знал всю свою жизнь, был человек старой закалки, воспитанный в викторианском духе. (Нет, не такой страшный ретроград, как любят рисовать этих джентльменов нынешние романисты; но я хорошо помню, что в детстве меня всякий раз удивляла его привычка совать мне шестипенсовик.) Родители не могли нарадоваться на молодого Дадли. А вот нашего Джона пай-мальчиком не считали. Мрачный, замкнутый, диковатый ребенок — до того угрюмый, что ему не прощались даже самые безобидные шалости. Никаким преступником он, ясно, не был; просто не вписывал-

ся в заведенные порядки и требовал, чтобы с ним обращались как со взрослым. А в пятнадцать лет у него случилась вполне взрослая история с одной буфетчицей из Мейдстоуна.

Пейдж присвистнул и выглянул в окно, словно ожидая увидеть самого Фарнли.

— В пятнадцать? — повторил он. — Похоже, парнишка был не промах.

— А то!

— И все-таки, знаешь... — Пейдж замялся, — мне всегда казалось, что Фарнли, насколько я его знаю...

— Немного пуританин? — подсказал Барроуз. — Да. Но мы сейчас говорим о пятнадцатилетнем мальчишке. Стоит еще сказать, что в ту пору он увлекался оккультными науками, в том числе колдовством и сатанизмом. Но это еще полбеды. Потом его исключили из Итона, что подлило масла в огонь. Ну а довершил дело публичный скандал с буфетчицей, которая утверждала, что беременна. Сэр Дадли решил, что мальчуган непоправимо испорчен, что в нем воплотились самые дурные склонности прежних поколений Фарнли, не гнушавшихся черной магии. Он заявил, что больше не желает видеть младшего сына. В общем, ставит на нем крест. Поступили, как обычно делается в таких случаях. У леди Фарнли нашелся в Америке преуспевающий кузен, и Джона решено было спроводить с глаз долой за океан. Единственным, кто имел на парнишку хотя бы какое-то влияние, был его учитель, Кеннет Маррей, молодой человек лет двадцати двух — двадцати трех. В Фарнли-Клоуз его взяли после того, как Джон перестал ходить

в школу. Немаловажно упомянуть, что Маррей увлекался научной криминалистикой, отчего сразу же завоевал симпатии мальчугана. По тем временам подобное хобби считалось не слишком почетным, но старый сэр Дадли благоволил к Маррею и против этих занятий не возражал. В то самое время, когда юный Джон окончательно разочаровал сэра Дадли, Маррею предложили место заместителя директора школы в Гамильтоне, на Бермудах. Предложение было заманчивое, разве что от дома далековато. Он согласился: в Фарнли-Клоуз в его услугах все равно больше не нуждались. Ради спокойствия родителей договорились, что Маррей довезет мальчика до Нью-Йорка. Затем он должен был передать Джона кузену леди Фарнли, а сам пересесть на пароход до Бермудов.

Барроуз замолчал, мысленно возвращаясь в прошлое.

— Сам я не очень хорошо помню то время, — продолжал он. — Нас, маленьких детей, предостерегали, чтобы мы держались подальше от «этого гадкого Джона». Но крошка Молли Бишоп, которой было тогда лет шесть или семь, питала к нему безграничную преданность. Малютка не желала слышать о нем ни единого дурного слова; и пожалуй, примечательно, что впоследствии она вышла за него замуж. Кажется, я смутно припоминаю тот день, когда Джон, в плоской соломенной шляпе, в сопровождении Маррея уехал в фэртоне на железнодорожную станцию. Они отплывали на следующий день — день во многих отношениях знаменательный. Думаю, мне нет нужды напоминать

тебе, что лайнер, на который они сели, назывался «Титаник».

Барроуз снова умолк. Оба погрузились в мысли о тех событиях. Пейджу вспомнилось, какая была шумиха: расклеенные на улицах плакаты с новостями, громкие газетные заголовки, самые невероятные версии...

— Непотопляемый «Титаник» налетел на айсберг и затонул в ночь на пятнадцатое апреля девятьсот двенадцатого года, — вновь заговорил Барроуз. — В суматохе Маррей и мальчик потеряли друг друга. Маррей почти сутки провел в ледяной воде. Вместе с двумя-тремя другими пассажирами он ухватился за деревянную решетку и выжил. Затем их подобрало грузовое судно «Колофон», идущее на Бермуды, и учитель счастливо попал туда, куда и собирался. О мальчике Маррей не волновался: из радиосообщений он узнал, что тот благополучно спасся. А потом пришло и подтверждающее письмо. Джона Фарнли (или мальчика, которого так называли) подобрал пароход «Этруска», который следовал в Нью-Йорк. Там его встретил кузен леди Фарнли, приехавший за ним с Запада. На отношениях в семье вся эта история с «Титаником» никак не отразилась. Сэр Дадли лишь удостоверился, что сын жив, но не более того: он по-прежнему не желал о нем слышать. Никто из них, впрочем, сильно не переживал по этому поводу... Джон вырос в Америке и провел там почти двадцать пять лет. За все это время он не написал родным ни строчки. Стоял насмерть и так ни разу и не прислал фотографию или поздравление с днем рож-

дения. По счастью, мальчик искренне привязался к своему американскому дядюшке, мистеру Ренвику, и это возместило ему отсутствие родителей. В итоге он как будто... стал другим человеком. Жил себе тихой деревенской жизнью в фермерских угодьях дяди — как мог бы жить и здесь, сложись все иначе. В последние годы войны служил в американской армии, но в Англии ни разу не был и ни с кем из старых знакомых не встречался. Маррея он тоже больше не видел. Тот оставался на Бермудах, хотя не сказать, что особенно преуспевал. Ни тот ни другой не могли себе позволить совершить столь далекое путешествие: Джон ведь жил в Колорадо. В английском поместье между тем все шло своим чередом. О мальчишке почти не вспоминали, а когда в девятьсот двадцать шестом году умерла его мать, о нем и вовсе забыли. Четыре года спустя скончался и отец. Титул и все состояние перешли к молодому Дадли (который к тому времени был не так уж молод). Он так и не женился: говорил — успеется. Но не успелось. В августе девятьсот тридцать пятого новый сэр Дадли умер, заразившись трупным ядом.

Пейдж задумался.

— Как раз примерно в то время я сюда и переехал, — заметил он. — Постой! Но неужели Дадли никогда не пытался связаться с братом?

— Пытался. Но письма возвращались нераспечатанными. Дадли, надо сказать, был довольно скучный тип. И потом, они так долго не общались... Вряд ли у Джона оставались какие-то родственные чувства. И вот после смерти Дадли встает вопрос о том, чтобы Джон вступил в права наследства...

— И Джон соглашается.

— Вот именно! В том-то и дело! — с горячностью подтвердил Барроуз. — Ты ведь знаешь, что он за человек, и можешь понять логику. Его возвращение так естественно. Да и сам он не видел в этом ничего странного, хотя прожил вдали от дома почти двадцать пять лет. Он сразу же оказался на своем месте, как будто никуда и не уезжал. Тот же склад мыслей, поведение... даже манера речи отчасти осталась прежней. Во всем чувствовалась порода Фарнли. Он поселился здесь в начале девятисот тридцать шестого. Ну и наконец, романтический штрих: он встречает Молли Бишоп — теперь уже взрослую — и в мае того же года женится на ней. Стало быть, с его приезда прошло уже больше года. И вот на тебе — гром среди ясного неба.

— Видимо, речь идет о том, — осторожно предположил Пейдж, — что произошла подмена? Что после крушения «Титаника» в море подобрали не того мальчика и он по какой-то причине назвался Джоном Фарнли?

Все это время Барроуз, погруженный в раздумья, мерно расхаживал взад и вперед по комнате, механически указывая пальцем — как будто грозя ему — на каждый попадавшийся предмет мебели. Но комичного впечатления это не производило. Чувствовалась в нем какая-то спокойная рассудительность (на клиентов она действовала почти гипнотически). У него была привычка поводить головой в сторону и искоса смотреть на собеседника боковым взглядом, мимо очков, — вот как сейчас.

— Да, именно так. Именно так! Если допустить, что нынешний Джон Фарнли мошенник, то полу-

чается, что он морочит людям голову уже добрых двадцать пять лет, а о настоящем наследнике все это время ни слуху ни духу. Он вжился в роль. Когда после крушения он оказался в спасательной шлюпке, на нем была одежда Фарнли и его кольцо; при нем даже был его дневник. Потом подвернулся американский дядюшка, у которого он почерпнул недостающие сведения. И вот он возвращается в Англию и как ни в чем не бывало селится в родных местах. Четверть века спустя! За такой срок, сам знаешь, многое может измениться. Меняется почерк, меняются черты лица, повадки и приметы; даже воспоминания становятся расплывчатыми. Понимаешь, в чем штука? Если даже иногда он сбивается, если даже у него пробелы в памяти или какие-то детали он помнит не совсем точно, это же совершенно нормально. Так ведь?

Пейдж покачал головой:

— Все равно, друг мой, этому претенденту необходимы абсолютно неопровержимые доказательства, иначе никто ему не поверит. Ты же знаешь наши суды. Что он может предъявить?

— Претендент, — ответил Барроуз и скрестил руки на груди, — готов представить стопроцентные доказательства того, что он и есть настоящий сэръ Джон Фарнли.

— Что за доказательства, ты их видел?

— Как раз сегодня вечером нам и предстоит их увидеть — или не увидеть... Претендент попросил о встрече с нынешним хозяином имения. Брайан, я далеко не наивный простачок, но от этого дела у меня просто ум за разум заходит. Мало того что этот человек излагает свою версию очень убедительно,

Карр Дж. Д.

К 26 Изогнутая петля : роман / Джон Диксон Карр ; пер. с англ. А. Лисицыной. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 352 с. — (Звезды классического детектива).

ISBN 978-5-389-31337-8

Золотой век детектива подарил нам множество звездных имен. Почетное место в этой плеяде по праву принадлежит Джону Диксону Карру (1906–1977) — виртуозному мастеру идеально построенных «невозможных преступлений в запертой комнате». В 1933 году Джон Диксон Карр впервые представил публике сыщика-любителя, эксцентричного доктора Гидеона Фелла, которого английский писатель Кингсли Эмис в своем эссе «Мои любимые сыщики» назвал «одним из трех великих преемников Шерлока Холмса».

«Изогнутая петля» (1938) повествует об очередном загадочном случае, расследование которого оказывается по плечу только хитроумному доктору Феллу. В тихой деревне Маллингфорд жизнь течет неспешно и размеренно, и каждое происшествие надолго будоражит сельскую общественность. Но странные события в поместье Фарнли, баронета Маллингфорда и Соуна, поистине сделали бы честь и более оживленной местности. Все началось с того, что к Джону Фарнли и его супруге явился незнакомец, назвавшийся... Джоном Фарнли, баронетом Маллингфорда и Соуна...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ДЖОН ДИКСОН КАРР
ИЗОГНУТАЯ ПЕТЛЯ

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Анна Быстрова, Светлана Федорова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 16.01.2026.
Формат издания 76 × 100 1/32. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 15,51. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12-14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в типографии ООО «Экопейпер».
420044, Россия, г. Казань, пр. Ямашева, д.36Б.

A-MCD-48578-01-R